

Л. С. Гушчян

Из истории формирования иранских коллекций в собрании Российского этнографического музея

В статье анализируются механизмы формирования иранских фондов Российского этнографического музея (РЭМ). Состав ряда коллекций, приобретенных в начале XX в. для этого собрания, указывает на актуализацию интереса к полиэтничной культуре Ирана, особое место в котором занимают женские образы, имевшие для европейцев выраженный экзотический характер. Сопроводительные архивные материалы коллекций, в частности переписка студента Императорского Санкт-Петербургского университета, экспедиционера-собиранителя С. Тер-Аветисяна и хранителя музея К. Иностранцева, с одной стороны, демонстрируют широкий круг исследовательских программ студентов-востоковедов в начале прошлого столетия, а с другой – высокий статус исследователя в Российской империи.

Ключевые слова: этнография, музейное собрание, иранские коллекции, востоковедение, С. Тер-Аветисян, К. Иностранцев

Lusine S. Gushchian

To the history of the formation of the Iranian collections in the Russian Ethnographic Museum fund

The mechanisms of formation of the Iranian funds of the Russian Ethnographic Museum are analyzed in the article. The series of collections acquired at the beginning of the 20th century for this collection, indicates the relevant interest towards the multi-ethnic culture of Iran, in which female images, with an outstandingly exotic character for Europeans, have a special place. The accompanying archival materials of the collections, in particular, the correspondence between expeditionist-collector S. Ter-Avetisyan, a student of the Imperial St. Petersburg university, and the curator of the museum K. Inostrantsev, demonstrate, on the one hand, the wide range of research programs of the orientalist students at the beginning of the last century, and on the other, a researcher's high status in the Russian Empire.

Keywords: ethnography, museum collections, Iranian collections, Orientalism, S. Ter-Avetisyan, K. Inostrantsev
DOI 10.30725/2619-0303-2020-3-18-21

К XIX в. для европейского мира Иран оставался малоизвестной и таинственной страной. В отличие от Османской империи, которая географически и исторически была неразрывна с западным опытом и рассматривалась европейской культурой как один из основополагающих компонентов при создании образа «Востока», Персия для среднего европейца была известна в основном как воспоминание из школьной программы о древнем государстве времен Александра Македонского и великих греко-персидских войнах, в которых, как помнил каждый европейский школьник, победили древние греки и европейский путь развития.

Между тем в XIX в. в Европе стал расти интерес к Ирану и его уникальной культуре, что являлось следствием ряда политических, социально-экономических, исследовательских и эстетических причин. К середине указанного столетия наступил новый этап моды на восточную экзотику. Как и прежде, в интересе к персидской экзотике имели большое значение атрибуты маскулинной субкультуры: оружие, панцири, шлемы, поручи, которые были доставлены из

Персии, а также предметы роскоши, в частности, персидские ковры, уже давно и прочно входившие в ряд престижных элементов декора европейского интерьера. Новое направление интереса к иранской культуре, не ограничиваясь указанным корпусом статусных предметов, было шире и охватывало, кроме прочего, образ жизни населения экзотической страны. Иран притягивал также образом неизвестной и таинственной носительницы персидской культуры – иранской женщины.

В свою очередь, в указанный период представители династии Каджаров, шахи Наср-эд Дин (1831–1896), Мозафер-эд Дин (1852–1907) и Мохаммад Али (1872–1924) стали открывать Европу для персидских элит. Первый из шахов – Наср-эд дин совершил ряд поездок по европейским странам, познакомился с последними новинками в области науки и техники, а также с европейской культурой: побывал на балах и в театрах, в том числе и на балетных спектаклях, которые произвели на него большое впечатление. Результатом путешествий монархов по Европе стали новшества в различных сферах

жизни, затронувшие, в частности, высшие слои персидского общества.

В XIX в. в Санкт-Петербурге стали появляться сначала частные, а затем и музейные персидские собрания. Этнографический отдел (ЭО) Русского музея императора Александра III, правопреемником которого является Российский этнографический музей, также прилагал старания для расширения своих фондов, в которые вошли экспонаты, относящиеся к культуре различных народов, населявших Иран. Деятельность по комплектованию персидских коллекций основывалась на концепции одного из его основоположников, Дмитрия Александровича Клеменца. В письме к попечителю Русского музея графу И. И. Толстому он подчеркивал: «Персия также нужна нам и должна войти в число стран, подлежащих нашему этнографическому изучению» [1, с. 80]. Концепция первого руководителя музея Д. А. Клеменца была поддержана, и уже в год открытия Этнографического отдела в 1902 г. в его собрание вошли персидские коллекции.

В работе по комплектованию и регистрации иранских фондов принимала участие внештатные сотрудники ЭО. Применяя методику, апробированную еще Русском географическом обществе и Кунсткамере, Этнографический отдел кроме штатных сотрудников, работал также с наемными регистраторами коллекций, составлявшими музейные описи, а также «корреспондентами», как назывались в музейных документах участники экспедиций, приобретавшими по заданию отдела и согласно выработанной в нем собирательской концепции предметы для собрания музея в различных областях Российской империи и за ее пределами. Архивные материалы и музейная документация указывают на то, что в первые годы существования музея история формирования собрания Этнографического отдела, в частности иранских фондов, связана не только с именами крупных этнографохранителей, таких как востоковед Константин Александрович Иностранцев (1876–1941), но и с внештатными сотрудниками отдела.

Персидские по месту приобретения коллекции пополнялись как из частных собраний, так и благодаря деятельности корреспондентов музея. В настоящее время в собрании Российского этнографического музея представлены более 120 коллекций, характеризующих традиционную культуру поликонфессионального населения Ирана. Из них 110 коллекций относятся к быту и культуре персов, остальные – к армянам, габрам и курдам. Четыре коллекции, включающие 158 предметов, приобретены для музея Смбагом Вардановичем Тер-Аветисяном (1875–1943) в различных областях Ирана.

Студент Петербургского университета С. Тер-Аветисян, который после окончания Гевогоровской семинарии (учился в 1894–1898 гг.), продолжил обучение на факультете восточных языков и специализировался по армянскому, грузинскому и персидскому языкам, был направлен академиком Николаем Яковлевичем Марром в экспедиционную поездку в первую очередь для пополнения сведений о рукописях, созданных в старой Джульфе Нахиджеванского уезда Эриванской губернии и Новой Джульфе, недалеко от сефевидской столицы – Исфахана. Между тем результаты исследовательской поездки студента-востоковеда оказались значительно богаче. В архиве РЭМ сохранилась переписка молодого исследователя с хранителем ЭО, известным востоковедом К. А. Иностранцевым, в которой содержится ряд сведений, касающихся экспедиции С. Тер-Аветисяна, а также, что нам кажется не менее интересным, опосредованно демонстрируются статусы научных сотрудников музея в начале XX в.

Переписка начинается с телеграммы Смбата Тер-Аветисяна от 17 августа 1904 г. хранителю ЭО К. А. Иностранцеву со следующим содержанием: «Пбг ЭО Русского музея Иностранцеву из Нахичевани Эриван. Предложением Марра еду в Азербейдан для рукописей. Прошу телеграфировать уездному начальнику Нахичевань Эриванской, что я командирован музеем Персию. Подробности письмом. Тераветисян» [2, л. 8 а].

Далее в архивной папке представлена копия телеграммы с требуемым Тер-Аветисяну текстом: «Нахичевань Эриванская. Уездному Начальнику. Тераветисян командирован Персию собирать этнографические предметы для Русского музея Императора АЛЕКСАНДРА Третьего. Заведующий Иностранцев» [2, л. 9 а]. Документ не датирован, но с большой степенью вероятности направлен достаточно оперативно после получения первой телеграммы.

27 августа 1904 г. в Санкт-Петербург прибывает письмо, написанное Тер-Аветисяном 16 числа того же месяца, в котором он сообщает подробности К. А. Иностранцеву: «Многоуважаемый Константин Александрович, по окончании раскопок в Ани я поехал в Эчмиадзин и ждал, что из Археологического общества пришлют мне командировочный лист для составления описаний Азербейджанских рукописей; но на днях получил письмо Николая Яковлевича Марра и узнал, что в Археологическом Обществе никого нет теперь и потому барон Розен сообщает ему, что командировочные листы не могут прислать мне. Я думал без этой бумаги получить заграничный паспорт, но не мог. Нахичеванский (Эриванской губ.) Уездный Начальник разрешил

мне переехать границу и оставаться в Персии только на восемь дней, ибо я обещал ему, что от Вас будет командировка. И потому прошу по телеграфу сообщить здешнему Начальнику, что Музей меня командировывает в Персию. Если этой телеграммы не будет на днях, я должен прервать свои работы и вернуться в Петербург. А если напишете Начальнику, тогда останусь в Персии до конца сентября. Прошу еще сообщить, могу ли купить для музея предметы и не может ли музей ассигновать новую сумму для этой цели? Письмо можете адресовать мне в Нахичевань (Эриванской губ.) в Армянское духовное правление для передачи Архидиакону Смбаду Тер-Аветисяну» [2, л. 11 а–11 б.]. Таким образом, благодаря помощи ЭО молодому исследователю, оказавшемуся в затруднительном положении во время экспедиционного сезона в Археологическом обществе, удалось провести исследование в Персии и собрать исключительно важные, с научной точки зрения, материалы

Важным для арменоведения результатом данной экспедиционной поездки стал «Каталог армянских рукописей церкви Всеспасителя Новой Джульфы», рекомендованный Н. Я Марром к печати и опубликованный на армянском языке венскими мхитаристами в 1970 г. [3], в котором С. Тер-Аветисяном были описаны 600 армянских рукописей. Кроме указанного каталога, в результате иранской экспедиции С. Тер-Аветисяна в ЭО Русского музея были сформированы одна фотоколлекция и четыре вещевые коллекции (№ 291, 292, 293, 294), собранные этим фондообразователем по поручению ЭО Русского музея Александра III и хранящиеся в РЭМ.

Наибольшая по числу экспонатов является коллекция № 291, презентующая предметы традиционные для культуры персов и армян (103 предмета), коллекция № 292 включает только армянские предметы (22 предмета), № 293 – только иранские (35 предметов), № 294 – памятники материальной культуры персов и гебров (8 предметов). Все коллекции собрания имеют подробную аннотацию собирателя, а в архивных материалах, хранящихся в музее, представлена первичная опись, в которой собиратель указывает место приобретения, изготовления предметов, название предмета на языке культуры, в которой он был изготовлен, здесь же указан этнокультурный круг, в котором бытовал каждый из экспонатов [2, л. 1 а–6 а].

Наиболее многочисленной и разнообразной по составу является коллекция № 291. Как указывает собиратель, предметы изготовлены в Исфахане, Кашане, Йезде (современное название Язд. – Л. Г.), приобретены в Исфахане и Каша-

не, т. е. в пределах провинции Исфахан. Им были собраны предметы интерьера, письменные приборы, атрибуты досуга, такие как изразцы, зеркала, вазы, шкатулки, пеналы, игральные карты, кальяны и предметы мусульманского культа.

В коллекцию входят также образцы шелковой ткани и бархата местной кустарной работы; образцы кустарной и фабричной хлопчатобумажной ткани. Последняя является, очевидно, привозной, однако декорирована в технике местной ручной набойки, представлены, кроме того, набойные штампы местного производства. В ряде случаев собиратель уточняет, для чего использовались те или иные виды ткани. Так, например, им указано, что шелковая на хлопчатобумажной основе ткань *руи мутхака* (86х68 см) используется для изготовления декоративной наволочки на подушку, а хлопчатобумажная набойная ткань (63х300 см) с орнаментом в виде мелких цветков – для пошива женского архалука (вероятно, подкладки. – Л. Г.). Коллекция включает также элементы персидского и армянского женского и мужского костюмов: вышитые на хлопчатобумажной ткани и шелковые женские головные покрывала разных размеров.

Особое место в собрании С. Тер-Аветисяна занимают костюмные комплексы, приобретенные согласно требованиям комплектования фондов ЭО РМ. Так, представлены персидские костюмы мальчика, *ахунда* (шиитского законоучителя. – Л. Г.), *дервиша*, армянский мужской костюм, женские костюмы горожанки персиянки, горожанки и крестьянки армянок. Примечательными экспонатами коллекции являются куклы – персиянки-горожанки и армянки-крестьянки, персов-горожан – *ахунда* и ремесленника, позволяющие, кроме прочего, выяснить важный для этнографии вопрос о способе ношения каждого из элементов одежды.

В контексте исследования традиционной культуры особый интерес представляет женский костюмный комплекс. В Иране, в котором персидское население исповедует ислам шиитского толка, жизнь женщин, особенно представительниц высших сословий, являлась замкнутой и малоизвестной в европейском сообществе. Женская половина дома – *эндерун*, образ жизни, костюм его обитательниц, взаимоотношения между ними, их досуг в границах частной жизни, а также времяпровождение и поведение персидских женщин в публичном пространстве – все это было объектом внимания и фиксации на более чем 100 фотоотпечатках, хранящихся в петербургских музеях. Однако только в Российском этнографическом музее имеется полный костюм персиянки-горожанки из Исфахана, который был привезен С. Тер-Аветисяном.

Собиратель С. Тер-Аветисян зафиксировал элементы особого костюма персидских девушек и замужних женщин, который состоит из многочисленных частей, включая элементы, закрывающие фигуру его обладательницы. Костюм, как можно судить по фотографиям и, особенно, предметам коллекции, включает: *чадыр* (выходное покрывало из хлопчатобумажной ткани), *рубанд* (покрывало на лицо из батиста, разряженные и вышитые шелковыми нитками на уровне глаз), *дастмал-и-сар* (шелковый головной платок), *чаргат* (кисейное покрывало на голову), *чахчур* (верхние шаровары из шелка на хлопчатобумажной подкладке, с отдельными штанинами, шитыми с носками), *зир-и-шальвар* (нижняя юбка из тонкой хлопчатобумажной ткани белого цвета), *фамбедар* (средняя юбка из более плотной хлопковой ткани), *шальвар* (верхняя простеганная юбка из ткани красных тонов, на подкладке), *фиран* (нижняя белая хлопчатобумажная рубашка), *руи-фиран* (верхняя рубашка из тонкого шелка в широкую полоску). Следует отметить, что в состав комплекса горожанки-персиянки входит также *намазлык* – молитвенный коврик (названия деталей костюма приводятся согласно музейной документации, составленной на основании рукописного списка, составленного С. Тер-Аветисяном).

Все представленные в коллекции юбки очень короткие и в надетом состоянии (надеваются друг на друга) похожи на балетные пачки. Данное обстоятельство не может не вызывать интерес, особенно учитывая многочисленные женские портреты эпохи ранних Каджаров, на которых дамы изображены в юбках до щиколоток. Эволюция длины юбок, как указывают современники, произошла благодаря новым модным течениям, которые проникли в среду персидских элит в последней четверти XIX в. благодаря эстетическим предпочтениям шаха Наср-эд дина после его возвращения из Европы. Об этом пишет, в частности, анонимный автор заметок о Персии, изданных в 1886 г.: «Коротенькие юбочки, их узкие панталоны, отчасти напоминающие трико, делают их (персидских женщин. – Л. Г.) похожими на наших балетчиц... Наср-эддин-шах, в бытность свою в Петербурге, побывавший во всех театрах, в своей книге «Путешествие по Европе» с особенной любовью и подробностями останавливается на описании нашего балета» [4]. К началу XX в. мода на короткие юбки, которые носились с узкими, облегающими ноги шароварами, распространилась и среди горожанок.

Итак, анализ источников позволяет прийти к выводу, что история формирования иранских коллекций Российского этнографического

музея не является ординарной. Приобретение столь ценных коллекций произошло благодаря случайным обстоятельствам. Тем не менее, рассмотрев собранный во время иранской экспедиции Смбагом Тер-Аветисяном корпус памятников материальной культуры, можно отметить исключительную значимость данного собрания как для истории формирования фондов музея, так и для исследования традиционной культуры народов Ирана, в том числе и ее гендерных аспектов.

Научные интересы Смбата Тер-Аветисяна, а также полученный им полевой опыт, позволили продолжить исследование региона и после окончания Петербургского университета. В 1914 г. на основании решения конференции Императорской академии наук он был избран на должность старшего хранителя отдела археологии Кавказского музея в Тифлисе [5, с. 11].

Список литературы

1. Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901-1930-е гг.). СПб: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. 828 с.
2. Архив Российского этнографического музея. Фонд 1. Опись 2. Дело 625.
3. Тер-Аветисян С.В. Каталог армянских рукописей церкви Всеспасителя Новой. Т. I. Вена: Издательство Мхитарян, 1970. 926 с.
4. Персидский эндерун. Письма из Тегерана // Вестник Европы. № 10.1886.URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1880-1900/D_K/text.phtml?id=8214 (дата посещения 20.04.2020).
5. Тер-Аветисян С.В. Арменоведческие исследования. Ереван: Издательство НАН РА «Гитутюн», 2010. 502 с.

References

1. Dmitriev S.V. The fund of the Ethnographic Department of the Russian Museum for the Culture of the Peoples of the Foreign East: the history of formation and fate (1901-1930s). SPb: Philological Faculty. St. Petersburg State University, 2012.828 p. (in Russ.)
2. Archive of the Russian museum of ethnography. Fund 1. Inventory 2. Case 625. (in Russ.)
3. Ter-Avetisyan S. V. Catalog of Armenian manuscripts of the Church of the Savior of New Julfa. Volume A. Vienna: Mkhitarayan printing house, 1970. 926 p. (in Arm.)
4. Persian enderun. Letters from Tehran // European Journal. № 10.1886.URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1880-1900/D_K/text.phtml? Id = 8214 (accessed 20.04.2020) (in Russ.)
5. Ter-Avetisyan S.V. Armenological researches. Yerevan: «Gitutyun hratarakchutyun», 2010. 502 p. (in Arm.)